

Перемещение университета из Юрьева в Воронеж

Воронежский университет принадлежит к небольшой, но очень приметной группе так называемых перемещенных вузов России. Драматические повороты в истории Отечества причудливым образом сказались на рождении некоторых, ныне хорошо известных университетов. Скажем, Ростовский стал прямым наследником эвакуированного из Варшавы русского Императорского университета. Пермский университет появился потому, что на Западный Урал переводились (из-за военной угрозы) некоторые факультеты Петербургского. Университет в Воронеже появился в 1918 г. вследствие эвакуации из Прибалтики русской части Юрьевского университета.

Любопытно, что Юрьевская профессура давно поговаривала о желательности перемещения университета в Воронеж. О главном городе русского Черноземья некоторые профессора Юрьевского университета вспоминали еще в 1910 г. Один из старейших университетов России переживал тогда довольно сложные времена. Основанный в 1802 г. по указу императора Александра II как Дерптский, он в 1893 г. стал именоваться Юрьевским, в связи с переименованием Дерпта в Юрьев. Политика русификации окраин, проводившаяся правительством Александра III, привела к тому, что преподавание на четырех основных факультетах начало вестись на русском языке. Лишь на богословском был оставлен немецкий. Вся деятельность университета приводилась в соответствие с требованиями общероссийского устава 1884 г., заметно ограничившего автономию как профессорских коллегий, так и студенческих корпораций. Соответствующим образом начал меняться преподавательский состав. Часть профессоров, в том числе весьма авторитетных, покинула университет, вместо них прибыли ученые из России. Среди студенчества резко увеличилась численность русскоязычных юношей, многие из которых стали приезжать из внутренних губерний империи¹. В начале XX в. русские профессора и студенты начали испытывать определенные трудности.

Вполне понятно, что ни эстонская общественность, ни немецкое дворянство края не испытывали восторгов от преобладания русского влияния в уни-

¹ История Тартуского университета. 1632–1982. Под ред. проф. К. Сийливаска. Таллинн, 1982. С. 128. По мнению эстонских коллег, указ Александра I фактически не учреждал университет в Эстонии, а возрождал существовавший там еще в XVII в.

верситете. На одном из заседаний Ученого совета Юрьевского университета некоторые профессора заговорили о неблагоприятии своего размещения в Прибалтике. По ходу обсуждения этого неожиданного вопроса отдельные члены Ученого совета заявили о том, что эстонское и немецкое население края безучастно относится к нуждам императорского университета и его студентов. От местного населения, утверждали ораторы, «русский студент не жди пособия или заработка, эксплуатации же сколько угодно». Особенно на трудные условия сетовали медики, не имевшие, по их словам, достаточной материальной базы для развития своего факультета. «Ввиду этого обстоятельства, — говорилось в протоколах совета, — было бы целесообразно передвинуть Юрьевский медицинский факультет в один из более многолюдных городов центральной России, например, в город Орел с населением в 80 000 человек или в город Воронеж с населением в 95 000 чел. Даже более южный город Ростов-на-Дону с населением в 140 000 чел., является более предпочтительным для помещения медицинского факультета, чем город Юрьев»².

Никаких последствий эти разговоры, разумеется, не вызвали. Они интересны лишь как показатель того, что высшие власти рассматривали Юрьевский университет прежде всего как достояние всей империи, что, в общем, противоречило позиции эстонской общественности, желавшей видеть в нем очаг развития национальной культуры. Поэтому расходы на содержание Юрьевского университета целиком несло правительство Российской империи. Когда образовался долг за приобретенное для Юрьевского университета оборудование, распоряжение о его погашении было отдано Советом министров России. Случилось это 23 марта 1910 г.³

В следующий раз о возможности перемещения научная общественность и власти заговорили в 1915 г., но теперь уже по гораздо более тревожному поводу. Шла мировая война. И отступление русских армий на германском фронте весной и летом 1915 г. поставило болезненный вопрос об эвакуации вглубь России целого ряда учреждений, в том числе высших учебных заведений. Раньше всего и в большой спешке, с потерями ценного имущества был перебазирован в Ростов-на-Дону Императорский Варшавский университет, русские профессора и студенты которого нашли, наконец, новое пристанище. К концу лета угроза эвакуации нависла даже над Киевским университетом Св. Владимира, ректор которого обратился к воронежским властям с просьбой о содействии в возможном перемещении⁴. Одновременно с этим городской голова Н. В. Чмыхов на заседании городской думы сообщил, что, по сведениям депутата IV Государственной думы Е. П. Ковалевского, правительство предполагает перевести Юрьевский университет в Воронеж. Депутат якобы даже сообщал, что правительство имеет в виду использовать эвакуацию для создания нового университета. Чмыхов не сообщал, откуда Ковалевский узнал о таких планах, но призвал собравшихся позаботиться о возможном размещении именно Юрьевского университета, поскольку рассчитывать на постоянное перемещение киевлян в Воронеж не приходилось.

² Обзор лекций в Императорском Юрьевском университете. Юрьев, 1910, № 7–9. С. 13–17.

³ Особый журнал Совета министров Российской империи. 1910 год. М., 2001. С. 156–157.

⁴ ОР РГБ, ф. 618, карт. 4, № 4, л. 41.

Гласные думы в принципе одобрительно отнеслись к такому проекту. Правда, сразу указать на свободные помещения, да еще в условиях войны, дума не смогла, но зато, сообщала местная газета, высказалась за отвод земли для нужд университета⁵. Вопрос об устройстве нового университета требовал основательной разработки подготовительных мер. Поэтому дума поручила своей училищной комиссии подготовить необходимую документацию. Председателем комиссии был Н. А. Александров, занимавший одновременно должность председателя Воронежской уездной земской управы. Начало работы комиссии оказалось совсем не радужным. Оно было омрачено появившимися в газетах сообщениями о том, что Юрьевский университет, в случае необходимости, будет эвакуирован в Нижний Новгород.

Ситуация действительно была неопределенной. Руководство Юрьевского университета в августе 1915 г. сумело договориться с властями Нижнего Новгорода о временном приюте, а в сентябре того же года даже осуществило вывоз на берега Волги целого эшелона из 13 вагонов с ценным оборудованием. На берега Волги было отправлено ценное имущество университета, которое, однако, не требовалось непосредственно в учебном процессе. Среди прочего были вывезены редкие рукописи, гравюры и т. п. Однако Нижний Новгород по ряду причин вынужден был отказаться от приема Юрьевского университета. К весне 1916 г. в министерстве народного просвещения созрело решение об эвакуации Юрьевского университета в Пермь. В феврале и в марте теперь уже на Западный Урал ушли еще 40 вагонов с университетским имуществом. Сюда были отправлены книжные богатства университетской библиотеки, включая диссертации и каталоги. Тем временем о желании принять у себя Юрьевский университет заявили и власти Екатеринослава (ныне Днепропетровска), что показалось юрьевским ученым более предпочтительным, чем дальнее путешествие на Урал⁶.

Все эти зигзаги свидетельствовали, во-первых, о надвигающейся дезорганизации государственной жизни, а, во-вторых, об очередном витке конкуренции за право обладания университетом. Без активных действий добиться нужного результата было невозможно. Учитывая эти обстоятельства, комиссия Н. А. Александрова подготовила доклад, в котором энергично доказывала, что лучшим городом для университета является, конечно, Воронеж⁷. Комиссия пыталась убедить правительство не делать поспешных шагов. Размещать университет в Нижнем Новгороде, по ее мнению, было бы в тот момент неуместно. Вблизи от него на западе и на востоке находятся Московский и Казанский университеты, а на севере к нижегородскому краю примыкает слабо развитая Вятская губерния. «В то же время университет в Воронеже, хотя и близок к Харькову, будет обслуживать густонаселенную черноземную полосу». Если, писал далее Александров, «мысленно соединить прямой линией города Харьков, Саратов, Казань, то в центре окажется обширная территория, совершенно лишенная университетов». А ведь еще Д. И. Менделеев определял здесь

⁵ Воронежский телеграф, 1915, № 196, 4 сент.

⁶ Эрингсон Л. К. Из истории эвакуации Тартуского университета (1915–1918 гг.) // Вопросы истории Эстонской ССР. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тетрадь 258. Тарту, 1970. С. 293–299.

⁷ ГАВО, ф. 21, оп. 1, д. 2293, л. 20.

центр великорусской народности. Словом, «при разрешении вопроса, где должен быть оставлен Юрьевский университет, предпочтение должно быть отдано Воронежу, так как только в таком случае распределение университетов будет сделано более равномерно».

Ведя речь о полном переводе университета из Юрьева в Воронеж, Н. А. Александров считал нужным даже указать правительству на необходимость более взвешенного подхода к размещению высших учебных заведений. Сложившиеся диспропорции, полагал он, пора исправлять. В докладе были высказаны конкретные рекомендации по определению очередности при учреждении новых университетов. В дальнейшем (т. е., конечно, после Воронежа), «при желании достичь равномерного обслуживания населения университетами, они должны быть учреждены в Ростове, для обслуживания Донской области и северной части Кавказа, в Тифлисе — для Кавказа, в Минске — для Западного края, после чего 300-верстный радиус будет достигнут и тогда можно будет приступить к созданию университетов в местах, оставшихся частью вне таких радиусов, как Нижний Новгород»⁸. Недостатком решительности доклад комиссии Александрова, как видим, не страдал. Стоит отметить также, что на момент составления доклада решение о создании Ростовского университета на базе эвакуированного из Варшавы еще не было принято.

Н. А. Александров напоминал о достаточном числе выпускников средних учебных заведений в крае, не забыв при этом указать на то, что близость Воронежа к Украине «порождает появление даровитых великорусских — малорусских помесей среди воронежских уроженцев»⁹. Поэтому воронежская молодежь, считал автор доклада, больше других способна к учебе в университете. Впрочем, каких либо расчетов в пользу этого забавного тезиса Александров не привел. В документе приводился обширный перечень культурных и просветительских учреждений в г. Воронеже, говорилось здесь и об издающихся в губернском центре газетах и журналах, о типографиях, банках и т. д.

Впрочем, высшим инстанциям перечисленные в докладе аргументы на сей раз не понадобились. Осенью 1915 г. русским армиям ценой тяжелых потерь удалось остановить германское наступление. Вопрос об эвакуации Юрьевского университета на некоторое время потерял свою остроту. Воронежская городская дума, в конце концов, вынуждена была ограничиться принятием доклада училищной комиссии к сведению, выразив при этом сожаление о том, что Воронеж снова лишается возможности заполучить университет¹⁰.

Однако очередная волна надежд поднялась уже в июле того же 1916 г., когда в газетах было опубликовано сообщение о том, что Совет Министров дал поручение министерству народного просвещения разработать план устройства в России десяти новых университетов.

Столь неожиданный поворот правительственной политики в отношении университетского образования объяснялся рядом причин. Продолжавшаяся уже третий год тяжелая война выявила острый недостаток людей со специальным техническим и общим университетским образованием. Факт этот стал

⁸ Там же, л. 20—21.

⁹ Там же, л. 26.

¹⁰ Воронежский телеграф, 1915, № 228, 16 окт.

настолько очевидным, что о нем заговорили даже руководители Воронежской городской думы. Они подчеркивали, что наше общество в годы великой (или, как говорили в те годы «второй отечественной») войны болезненно осознало свою техническую отсталость, «в силу которой все будущее русского государства поставлено в зависимость от того, будет ли Россия в достаточной степени иметь технические средства или нет»¹¹. Правительство, кроме того, начала беспокоить проблема перегруженности действовавших университетов. В годы войны число студентов в России не сокращалось, а, напротив, заметно росло. В 1917 г. их количество достигло почти 135 тыс. человек, тогда как в 1907/1908 учебном году во всех российских вузах насчитывалось 92,7 тыс. студентов. При всем том, по числу студентов на 100 тыс. населения Россия все еще сильно отставала от развитых государств, в том числе от своего главного противника Германии в три раза (35 против 114). Чрезвычайно возросла за время войны и преподавательская нагрузка. Если в 1898/1899 учебном году на одного преподавателя приходилось 13 студентов, то в 1913/1914 — уже более 20, при общей численности профессорско-преподавательского состава в 4,5 тыс. человек¹². Таким образом, во время войны это соотношение изменилось в неблагоприятную сторону. На изменение политики повлияла, конечно, и смена руководства министерством народного просвещения. Новый министр П. Н. Игнатъев взял курс на подготовку программы существенного развития университетов и 13 июня 1916 г. представил всеподданнейший доклад по этому вопросу.

По предварительным наброскам министерства новые университеты в ближайшие годы должны были открыться в Ростове-на-Дону, Перми, Самаре, Ярославле, Воронеже (или Тамбове), Екатеринославе (или Симферополе, или в Керчи), Вильне (или Могилеве, или Смоленске, или Минске), Владивостоке, Ташкенте¹³.

Упоминание в этом списке Воронежа стало для местной общественности очередным импульсом к развитию инициативы по устройству столь желанного университета. Уже через несколько дней после публикаций в центральной прессе о министерской инициативе весьма темпераментный отклик появился на страницах «Воронежского телеграфа», являвшегося газетой либеральной интеллигенции края. Тяжелая война сдвинула с места всю русскую жизнь, утверждала газета. Прилагаются огромные усилия по преодолению нашей отсталости, в том числе в области высшего образования. Идет быстрый рост культурных очагов. В таких условиях, подчеркивал корреспондент, и городское управление и все местное общество не могут быть пассивными. Центр обширного района, имеющего много средних школ и громадный спрос на высшее образование, утверждал автор отклика, не может полностью удовлетвориться одним сельскохозяйственным институтом с его ежегодным приемом всего в сто человек. По оценке газеты, воронежскому обществу явно не хватает энергии, тем более необходимой в тот момент, когда сами центральные власти заявили о желании развивать высшую школу в провинциальной России. «Что нужно, наконец, — вопрошал автор, — чтобы заговорили наши городские

¹¹ Там же, л. 1.

¹² Иванов А. Е. Указ. соч. с. 207.

¹³ Там же. С. 186.

деятели, наши земцы, наши педагоги? Неужели мы снова узнаем, как энергичный Тамбов получил университет и женские курсы или Саратов — политехнический институт и пр. и пр.?»¹⁴.

Поскольку местные власти не сразу заявили о своем отношении к предложениям П. Н. Игнатьева, постольку «Воронежский телеграф» и в августе продолжал взывать к активному ответу. В заметке под звучным названием «Необходимо действовать» газета писала, что во многих городах уже начались ходатайства, а наши власти все еще не выразили своей позиции. «Особенно странно, что не откликается тот самый Воронеж, на который прямо указывается в проекте министра, — правда, вместе с конкурентом Тамбовом»¹⁵. Автор заметки скрылся под псевдонимом «А. Ш.» По всей видимости, это был известный общественный деятель и политик, лидер воронежских кадетов и депутат Государственной думы А. И. Шингарев, пользовавшийся таким псевдонимом и ранее¹⁶.

В сентябре 1916 г. городская дума опубликовала новое обширное ходатайство. Но по понятным причинам судьба ходатайства 1916 г. была печальной. Надвигавшийся на страну тяжелый общественно-политический кризис именно с осени 1916 г. стал приобретать угрожающие масштабы. Кризис проявился, между прочим, и в усилении расстройств механизмов государственной власти, в потере способности верхов руководить страной и ее народом. В преддверии краха монархической государственности идея организации новых университетов попросту затерялась и вскоре погасла совсем.

В провинции масштабы революционных событий ощущались не столь остро. Однако бурные перемены 1917 г. оказались слишком масштабными. Сюрпризы следовали один за другим. К их числу, несомненно, относилась и полученная 9 апреля председателем губернской земской управы В. Н. Томазовским, ставшим после разгона администрации фактическим главой местного управления и одновременно полномочным комиссаром Временного правительства по Воронежской губернии, телеграмма от ректора Юрьевского университета П. П. Пусторослева. В ней говорилось: «Правление Юрьевского университета покорнейше просит Вас сообщить, не найдет ли губернская земская управа возможным дать временный приют Юрьевскому университету для учебной деятельности, если будет необходимость эвакуировать его из Юрьева»¹⁷. Аналогичный запрос ректор направил и городскому голове. Дату эту стоит отметить особо. Именно с нее началась та продолжительная, трудная и противоречивая кампания, которая, в конце концов, завершилась учреждением нового университета в Воронеже, хотя ректор просил только о временном приюте.

Инициатива руководства Юрьевского университета была, конечно, вынужденной. Оно понимало, что крушение монархии резко ослабляет военные возможности государства. Следовательно, вероятность нового немецкого наступления и оккупации Эстонии вновь становилась реальной. И чем сильнее развивалась революция, тем более шатким становилось положение в Прибал-

¹⁴ Воронежский телеграф, 1916, № 135, 17 июля.

¹⁵ Воронежский телеграф, 1916, № 177, 13 авг.

¹⁶ См.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1956. Т.1. С. 84.

¹⁷ ГАВО, ф. 20, оп. 1, д. 10517, л. 7.

тике. Проблема эвакуации Юрьевского университета снова становилась очень актуальной. Учитывая это, проф. К. К. Сент-Илер в конце марта 1917 г. писал в правление университета, что, по его мнению, «с началом весенней кампании Тарту может оказаться под угрозой неприятельского нашествия и явится необходимость эвакуировать университет». Поэтому он настоятельно советовал «заблаговременно наметить план и определить место эвакуации»¹⁸.

В конце апреля Воронеж посетили представители Юрьевского университета профессора А. Д. Богоявленский и В. Я. Рубашкин. Городские власти дали им возможность ознакомиться с теми помещениями, на которые можно было рассчитывать в случае переезда. Одновременно исполняющий должность городского головы Г. А. Пуле отправился в Петроград. Необходимо было прояснить ситуацию в министерстве народного просвещения. Там его заверили, что решение вопроса будет зависеть от того, какие впечатления сложатся у командированных в Воронеж профессоров. Вскоре А. Д. Богоявленский и В. Я. Рубашкин появились в столице и объявили министерским чиновникам, что у них сложилось самое благоприятное мнение о возможностях Воронежа принять университет.

Казалось бы, для эвакуации были готовы все условия. Руководители Юрьевского университета сами просили о приюте, а город сделал все возможные приготовления. Однако с распоряжением о выезде вновь возникла пауза. Состояние неопределенности объяснялось в первую очередь тем, что угроза немецкого вторжения в Эстонию то усиливалась, то слабела. Конечно, переезд, да еще в столь смутное время не мог радовать людей. Поэтому наступившее к концу весны 1917 г. относительное затишье на фронте временно успокоило и юрьевских профессоров и министерство. Но в конце лета положение в Прибалтике снова стало критическим. Германские войска сумели захватить Ригу и острова Эстонии. На заседании совета встревоженные профессора признали положение угрожающим, а, учитывая «распространение дизентерии в Тарту, квартирный кризис студентов, недостаток керосина, дороговизну продуктов» решили отсрочить занятия до 1 октября. Одновременно совет просил министра народного просвещения «исходатайствовать у главкосеф-фронта (командования Северного фронта — М. К.) разрешение или приказание эвакуировать документы и самое ценное имущество Тартуского университета со служащими и их семьями в Воронеж»¹⁹. Разрешение от военного командования последовало быстро и сотрудники университета начали укладку имущества.

Любопытная деталь: после свержения монархии даже русские профессора именовали город «Тарту», а свой университет «Тартуским», хотя официальное переименование города произошло только в 1919 г., после провозглашения независимости Эстонии. Объясняется это обстоятельство быстрым ростом стремлений эстонской общественности к национальному самоопределению и желанием покончить с русификаторским наследием старого режима. Русские сотрудники избегали лишней конфронтации, хотя никаких законных решений о снятии названия «Юрьевский» никто в 1917 г. не принимал.

¹⁸ Эрингсон Л. К. Указ. Соч. С. 302

¹⁹ Там же. С. 303.

Собираясь в эвакуацию, руководство университета направило в Петроград профессора А. Шалланда, студентов Н. Соболевского и В. Марковича. Они должны были доложить министерству о тяжелом положении университета и напомнить о ходатайстве в пользу эвакуации в Воронеж²⁰. Под влиянием их сообщений министерство 12 сентября приняло, казалось, окончательное решение и П. П. Пусторослев тотчас же известил Воронежскую губернскую земскую управу о подготовке к эвакуации 400 служащих университета, 600 членов их семей и 5000 пудов имущества²¹. Городская управа немедленно опубликовала извещение о скором приезде Юрьевского университета²². Управа обращалась к жителям с просьбой оказать содействие в приюте семей преподавателей и сообщала, что на первое время потребуется не менее 20 комнат и 20 квартир в две-три комнаты. В помощь К. К. Сент-Илеру, ответственному за прием университета в Воронеже, приехали новые сотрудники.

Однако санкция на отъезд не последовала и на этот раз. Совершенно неожиданно от командования Северного фронта 15 сентября пришла телеграмма, в которой ректору давалось разрешение приостановить эвакуацию. Деша вызвала полную растерянность у руководства университета. Все казенное и частное имущество было уже подготовлено к погрузке, на 21–23 сентября был заказан маршрутный поезд. Для руководителей университета телеграмма военных звучала тем более странно, что никакого разрешения на задержку с отъездом они вовсе не просили. Озадаченный ректор снова обратился за разъяснениями в министерство и 22 сентября получил от министра С. С. Салазкина телеграмму следующего содержания: «Ввиду утверждения главкосева, что до весны Юрьеву не грозит непосредственной опасности, продолжить занятия. Весной вопрос будет пересмотрен. Ненужные для преподавания тяжелые вещи эвакуируйте»²³.

По свидетельству очевидцев, такая резкая перемена объяснялась не только затишьем на фронте. Как военное командование, так и министерство народного просвещения столкнулись с сильным давлением эстонской стороны. Лидеры эстонской общественности всеми силами противились отъезду университета, боясь утратить столь крупный очаг просвещения, потерять как принадлежащие ему культурные ценности, так и сопряженные с его пребыванием доходы. Против эвакуации выступила часть студентов, а также некоторые профессора, главным образом, богословского факультета. Национальные студенческие организации осенью 1917 г. не раз проводили собрания, на которых протестовали против решений о переезде. Либеральное министерство решило учесть уговоры эстонской стороны и, стремясь погасить нараставшее недовольство, отправило в Юрьев следующее сообщение: «Министерство в полном согласии с Временным правительством полагает, что наличие просветительских центров в местах, подобных прибалтийскому краю, является настоятельной необходимостью. Поэтому задача министерства — не уничтожить эти центры, а всячески заботиться об их сохранении

²⁰ Там же.

²¹ ГАВО, ф. 20, оп. 1, д. 10517, л. 7.

²² Воронежский телеграф, 1917, № 188, 14 сент.

²³ ОР РГБ, ф. 618, карт. 4, № 4, л. 80.

и дальнейшем развитии». Министр просил широко известить о своей позиции эстонское население²⁴.

Эта прекраснородушная декларация чрезвычайно выпукло характеризовала присущее Временному правительству фразерство и организационное бессилие. Беспребетное стремление угодить любой мало-мальски заметной оппозиции было чревато потерей политической инициативы, что в итоге губительно сказалось на национальных интересах страны. Понимавший это ректор П. П. Пусторослев выразил свой протест тем, что подал в отставку и из Юрьева уехал. Совет же университета постановил: «Согласно телеграфному предложению министра народного просвещения Юрьевский университет не эвакуируется. Начало лекций назначается на 2 октября. Вместе с тем Совет Юрьевского университета ставит студентов в известность, что он не берет на себя ответственность за эвакуацию их в случае военной необходимости»²⁵. Таким образом, свидетельствовал профессор Г. А. Замятин, «Юрьевский университет остался на прежнем месте не потому, что Юрьеву до весны опасность не грозила... а потому, что хотели удовлетворить желание местного эстонского населения. Этим было подготовлено событие, происшедшее уже в феврале 1918 г., а именно захват университета германцами»²⁶.

Измученному железнодорожному начальству оставалось только наблюдать, как 23 сентября 1917 г. из 89 поданных вагонов университетские служащие загрузили только около десятка тяжелым инвентарем не первой необходимости. Отдельные учебные пособия, коллекции физиологического, фармацевтического, минералогического и патологического институтов, хирургической клиники и метеорологической обсерватории под присмотром сотрудников университета были отправлены в Воронеж. По пути состав подвергся нападению со стороны каких-то потерявших управление солдат, в результате чего несколько ящиков было разбито. Однако основная часть груза была служащими спасена и в середине октября доставлена по назначению. О благополучном прибытии состава немедленно сообщил «Воронежский телеграф»²⁷.

Вся эта история была крайне огорчительна для воронежской общественности. Мало того, что мечта о своем университете вновь уходила в туманное будущее, но еще и большие подготовительные работы пропадали зря. В конце октября пресса сообщила о ликвидации эвакуационного бюро по университету²⁸. Но принятое оборудование осталось лежать на складе. В сложном положении оказались группы студентов Юрьевского университета, уже съехавшиеся по собственному почину в Воронеж, — им пришлось спешно искать пристанища в других университетах России, так как возвращение в прифронтовую полосу ничего хорошего не сулило.

Ускорить эвакуацию Юрьевского университета воронежская интеллигенция, конечно, не могла. Но к концу 1917 г. ее активисты еще настойчивей заговорили об организации желанного учебного заведения своими силами. В начале 1918 г. в Воронеже возникло «Общество содействия открытию уни-

²⁴ Там же, л. 81.

²⁵ Там же, л. 80.

²⁶ Там же, л. 82.

²⁷ Воронежский телеграф, 1917, № 199, 18 окт.

²⁸ Воронежский телеграф, 1917, № 207, 27 окт.

верситета», его устав 12 января был внесен в реестр общественных организаций. Спусти две недели, 30 января (по ст. стило) был образован совет общества, председателем которого был избран И. Л. Ямзин, казначеем — С. А. Петровский, секретарем — С. Е. Зверев, а членами стали И. В. Шауров, Н. Н. Блюммер, П. Я. Ростовцев, Л. В. Гантовер²⁹.

Неожиданно ошутимую моральную поддержку воронежским организаторам оказали некоторые преподаватели Юрьевского университета. В самом конце 1917 г., действуя от имени группы своих коллег, декан историко-филологического факультета профессор Е. В. Петухов посетил Воронеж. Он изъявил готовность организовать здесь отдельный факультет и даже высказал пожелание начать занятия уже в ближайшие месяцы. Впоследствии такой факультет, полагал он, должен положить начало новому университету. Петухов обещал приезд группы ученых, историков и филологов.

«Общество содействия» отреагировало с большой заинтересованностью. Был довольно быстро подготовлен краткий, но энергично составленный доклад, с которым оно обратилось к проходившей в январе 1918 г. чрезвычайной сессии губернского земского собрания. Очевидно, что значительная часть воронежской общественности все еще считала, что не советы, а земство должно играть роль полномочного органа местного самоуправления. В докладе, подписанном членами исполнительного бюро общества И. Ямзиным, И. Шауровым и С. Петровским, подчеркивалось, что на протяжении последних двух лет открытие университета в Воронеже казалось очень близким, «но каждый раз начатое дело разрушали причины политического характера». Теперь же обстоятельства складываются для Воронежа особенно благоприятно и не воспользоваться ими — «значит отказаться от университета на неопределенно долгое время». Выгоды ситуации составители доклада находили как раз в том, что некоторые профессора Юрьевского университета, «среди которых имеются весьма крупные имена, предложили свои услуги в качестве профессоров Воронежского университета, если он будет открыт и содержаться хотя бы на общественные средства, раз пока нельзя рассчитывать на правительственную поддержку»³⁰. Выступая на сессии, И. Л. Ямзин заявил, что из 15 профессоров историко-филологического факультета Юрьевского университета 8 согласились без задержек переехать в Воронеж, и этого персонала «будет совершенно достаточно для первых двух семестров».

Земское собрание, председателем которого был, кстати говоря, избран профессор сельскохозяйственного института Б. А. Келлер, с большим воодушевлением поддержало предложение общества. Практически единодушно было принято решение об отпуске необходимых средств (75 000 р. на первое обустройство). Под дружные аплодисменты было принято и предложение о введении во вновь создаваемом университете бесплатного обучения. От имени общества И. Л. Ямзин и Н. В. Чехов горячо приветствовали «историческое» постановление собрания об открытии первого в России «земского университета». Они выразили надежду, что заложен, наконец, «фундамент первого

²⁹ Воронежский телеграф, 1918, № 24, 31 янв.

³⁰ Журнал Воронежского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 16 января 1918 г. Воронеж, 1918. С. 49.

свободного университета в России», а создание историко-филологического факультета «поддержит славу Воронежского края, уже давшего подлинных народных поэтов Никитина, Кольцова и знаменитого историка Костомарова, Градовского и т. д.»³¹. Вскоре решение земского собрания поддержала городская дума, вновь объявившая о желании организовать выпуск займа для обеспечения его финансовой поддержки. Был проведен даже сбор пожертвований, причем удалось получить довольно значительную сумму в 104537 р. 77 к.³²

Однако и этот, сам по себе интересный, замысел реализован не был. Развернувшаяся в стране революционная ломка старого строя, дошла и до Воронежа. Окрепшие советы не желали больше мириться с существованием «буржуазных» земств и дум. Воронежский губисполком как полномочный орган советской власти 21 февраля 1918 г. вынес решение о закрытии губернской земской управы и о роспуске всех земских учреждений. «Историческое» решение об учреждении земского университета лишилось не только почвы, но и смысла. В Советской России речь могла идти только о государственном университете. Без центральной власти решить такую проблему было невозможно.

В последнюю и решающую фазу затянувшаяся история по устройству Воронежского университета вступила ранней весной 1918 г. Свержение Временного правительства и установление советской власти быстро поставили Юрьевский университет в крайне сложное положение. Публикация в начале ноября 1917 г. «Декларации прав народов России» дала мощный импульс национальному движению на окраинах бывшей империи, в том числе и в Эстонии. Руководство в местных советах сосредоточилось здесь в руках представителей коренной национальности, официальное делопроизводство переводилось на эстонский язык. Общее руководство деятельностью учреждений просвещения, в том числе и Юрьевского университета, перешло к Управлению школ эстонского трудового народа³³. Здесь сразу же возникли планы по преобразованию университета в «демократический» и «национальный», что, конечно, повлекло бы за собой вытеснение русской профессуры. Однако эти замыслы неожиданно расстроила война.

В конце февраля пришло известие о том, что германские войска начали новое вторжение и оккупировали Эстонию. Оккупационные власти немедленно установили свой и отнюдь не эстонский режим управления. Городу Юрьеву было возвращено старое немецкое название Дерпт. Остававшиеся в городе русские профессора и студенты сразу почувствовали, что в их положении произошел еще один крутой поворот. Командующий германскими войсками в Дерпте генерал Адамс 7 марта объявил о намерении новых властей закрыть деятельность Юрьевского университета как российского и создать на его базе немецкий. Выступая в актовом зале перед преподавателями и студентами, он огласил телеграмму кайзера Вильгельма II, в которой говорилось: «Для меня и для всей академической Германии большая радость, что достопочтенная *alma mater* *Dorpatensis*, благодаря победе нашего оружия духовно свободная, может снова взять на себя историческое призвание — быть очагом немец-

³¹ Там же. С. 23–25.

³² ОР РГБ, ф. 618, карт. 4, № 4, л. 94.

³³ История Тартуского университета. 1632–1982. Таллинн, 1982. С.166.

кой духовной жизни. Великие воспоминания прошлого вновь возрождаются к жизни. Да снизойдет от нее снова, как в былые дни, великая благодать на многострадальные орденские земли и на немецкую науку»³⁴.

Благодаря немецкому вмешательству Юрьевский университет практически сразу же был расколот. Собственно название «Юрьевский» стало относиться только к русскоязычной части его персонала, немецкие же и близкие к ним профессора и студенты объявили о том, что отныне они состоят в Дерптском университете. И хотя таковых было явное меньшинство, но они считали, что это соотношение должно скоро и самым радикальным образом измениться.

У русских профессоров и студентов не оставалось сомнений: их деятельность в Эстонии будет прекращена. Немецкие власти сразу же прекратили выплату жалованья преподавателям и служащим Юрьевского университета, но разрешили все же закончить программу семестра. После этого подданные России должны были покинуть пределы Эстонии. Руководство Юрьевского университета пыталось оспорить правомочность решений германских властей, но больших успехов в этом, конечно, не добилось. Правда, некоторое время немецкое командование с форсированием закрытия не спешило. Вплоть до начала мая университетские подразделения все же функционировали, хотя и занимались, в основном, подготовкой к неизбежному отъезду³⁵. Относительная терпимость немецких властей была вызвана подписанием сепаратного Брестского мира, оформившего выход из войны Советской России. Но общая ситуация была понятной: университет в Дерпте был определен как немецкий и перспектив на сохранение в Прибалтике Юрьевского не оставалось. Теперь можно было только сожалеть о срыве эвакуации осенью 1917 г.

Положение заставляло руководство университета действовать только в одном направлении. Вольно или невольно, но приходилось обращаться к правительству советской России, хотя политических симпатий у большинства профессоров к большевикам не было. В конце марта ректорат командировал в Петроград и Москву профессоров В. Э. Регеля и М. Е. Красножена для выяснения «материального положения и других нужд» университета. Совет же университета 9 апреля 1918 г. принял следующий документ: «Принимая во внимание государственную необходимость сохранить для России Юрьевский университет как очаг высшего просвещения, ближайшим образом обезопасить его преподавательскую коллегию от распада вследствие общей неопределенности дела и обеспечить деятельность университета в осеннем полугодии текущего года, совет постановил:

1) Командировать проф. Яковенко в место нахождения центральной высшей власти: а) для доклада ей о положении университета, б) для получения от нее сведений касательно материального существования и в) для сообщения высшей власти постановления совета университета касательно места его дальнейшей временной деятельности, если окажется невозможным университету оставаться в Юрьеве»³⁶. Этим местом совет считал Воронеж. Постанов-

³⁴ Цит. по: Эрингсон Л. К. Указ. соч. с. 307.

³⁵ Сент-Илер К. К. К истории Воронежского университета // Труды Воронежского государственного университета. Воронеж, 1925. Т. 1. С. 376.

³⁶ Там же. С. 377–378.

ление на этот счет совет вынес еще 20 февраля 1918 г., за две недели до германского вторжения в Эстонию³⁷. Очевидно, что на Юрьевских профессоров большое впечатление произвели недавние события в Воронеже, в том числе создание там общественных организаций в пользу создания университета. Обращало на себя то обстоятельство, что совет смотрел на свой университет как на национальное достояние России и твердо рассчитывал на его сохранение именно как Юрьевского. Направляя при этом профессора П. А. Яковенко (вслед за В. Э. Регелем и М. Е. Красноженом) в столицы, совет уклонился от точного названия правительства, очевидно считая, что власть в России может в любой момент измениться. Кроме того, неопределенность пункта назначения командировки объяснялась недавним переездом Совнаркома из Петрограда в Москву. Тем временем позицию своих профессоров активно поддерживали студенты. На собрании 25 апреля 1918 г. студенческая корпорация приняла резолюцию: «Вдохновленные стремлением сохранить для России во что бы то ни стало один из немногих у нас культурных центров – Юрьевский университет, студенчество настаивает на воссоздании университета в одном из русских городов»³⁸.

Реакция советских правительственных учреждений оказалась противоречивой. Комиссариат народного просвещения сразу дал согласие на перевод Юрьевского университета в Воронеж или другой город России. Но неожиданно против этого решения выступил народный комиссариат иностранных дел. Советские дипломаты считали, что по условиям Брестского мира Эстония должна остаться в пределах России, поэтому и университет должен оставаться на прежнем месте. Очень скоро иллюзорность такого сугубо формального подхода стала очевидной.

А в Воронеже притихшее было «Общество содействия» принялось хлопотать с удвоенной энергией. В Москву для встреч с Юрьевскими профессорами и совместных с ними ходатайств перед Советским правительством отправился активный участник общества Н. В. Чехов. В свою очередь, Воронеж вновь посетил теперь уже бывший декан историко-филологического факультета Е. В. Петухов. При его участии советом общества 25 апреля 1918 г. было составлено обращение к руководителям местных советских учреждений. В нем говорилось, что «положение вопроса об открытии университета в Воронеже принимает тревожный характер, так как уволенная германцами, не получающая содержания с декабря месяца профессура Юрьевского университета принуждена искать себе новые места и, следовательно, при промедлении переводом Юрьевского университета в Воронеж, в ближайшие дни распылится по России»³⁹. Положение было тем более нетерпимым, что уже пошли разговоры о возможном переезде профессоров в Смоленск, Псков, Ярославль и другие города. Энергичные призывы общественности принесли, наконец, желательные результаты: 27 апреля исполком губернского совета принял положительное решение о приеме университета и направил в Москву в качестве своих представителей работника губоно и уже осевшего в Воронеже профессора

³⁷ Там же. С. 377.

³⁸ Воронежский университет, 1966, 20 декабря.

³⁹ ОР РГБ, ф. 618, карт. 4, № 4, л. 107.

Юрьевского университета Д. М. Лаврова. Интенсивные ходатайства в Москве профессоров и представителей губернии, включая беседы с наркомом просвещения А. В. Луначарским, способствовали принятию нужных решений. Впрочем, наркомат просвещения и сам деятельно подключился к решению университетской проблемы. На седьмом заседании малой государственной комиссии по просвещению, прошедшем 26 апреля 1918 г., ее ответственный работник профессор П. К. Штернберг, курировавший вопросы вузовской деятельности, доложил, что от воронежских властей получены четыре телеграммы «с просьбой о переводе Юрьевского университета в Воронеж». Штернберг считал, что просьбу эту следует поддержать, тем более, что перемещение русских профессоров и студентов становится делом неизбежным. Далее протокол фиксировал: «Перевести придется весь персонал, имущество и архив. $\frac{9}{10}$ наиболее ценного имущества Юрьевского университета, как-то библиотека, архив и т. д. находится в России. Остается только собрать все это воедино в Воронеже. Университет обслуживается видными научными силами. Таким образом, налицо учащие, учащиеся и $\frac{9}{10}$ имущества. Хлопоты о переводе университета, как-то переговоры с Комиссариатом иностранных дел и пр. т. Штернберг берет на себя». Постановление Малой государственной комиссии было кратким: «Перевод Юрьевского университета в Воронеж утвердить»⁴⁰.

Конечно, на комиссии речь фактически шла об основании в Воронеже нового университета. В сложившихся условиях иных вариантов не могло и быть. Но все же формальное решение говорило пока только о переводе Юрьевского университета, без четкого указания на то, что в Воронеже он останется навсегда. Вообще с юридической точки зрения перевести Юрьевский университет в другой город можно было только на время, в противном случае он не мог сохранять старое название. Но в то напряженное время Малая комиссия решала вопрос по существу, и о тонкостях юридических формулировок комиссия просто не задумывалась. Можно добавить также, что значительная часть преподавателей и студентов тоже пока считала, что возможен именно перевод Юрьевского университета на какое-то время. Многим еще казалось, что лихолетье пройдет, и все вернется в привычную колею.

Проект окончательного правительственного решения готовила гораздо более представительная Большая государственная комиссия по просвещению. Вопрос о перемещении Юрьевского университета обсуждался на ее 21-м заседании 18 мая 1918 г. На заседании присутствовали заместитель наркома М. Н. Покровский, В. Д. Бонч-Бруевич, П. К. Штернберг, П. Н. Лепешинский и другие видные советские руководители. Докладывая, П. К. Штернберг уточнил: « $\frac{4}{5}$ имущества Юрьевского университета, превращенного в немецкий, находится Перми, Воронеже и Нижнем; $\frac{4}{5}$ студентов стремятся вернуться в Россию. Из профессорского персонала желают остаться в Юрьеве профессора главным образом богословского факультета. Для вывода из Юрьева оставшегося там архива текущих дел за последние пять лет необходимо вмешательство Комиссариата иностранных дел. Вопрос о переводе университета имеет международный характер и в целом не может быть решен Большой комиссией по просвещению».

⁴⁰ ГАРФ, ф. 2306, оп. 1, д. 37, л. 27.

По существу П. К. Штернберг признал, что отделение Эстонии от России делает невозможным перевод университета как целого. Причем перевод был невозможен ни с фактической, ни с юридической точек зрения. Возникла сложнейшая проблема правопреемственности. Кроме того, в самой Эстонии уже, формально говоря, не было ни Юрьевского университета, ни самого Юрьева. Стремясь избежать спорной ситуации, против формулировки о переводе вполне определенно высказался Наркомат иностранных дел⁴¹. Поэтому члены Большой комиссии сочли, что в таком сложном деле нужно быть более точными. П. К. Штернберг подчеркнул, что решать проблему юрьевских профессоров и студентов следует путем создания нового, Воронежского университета. При организации высшего учебного заведения в Воронеже, заявил докладчик, «можно использовать имущество, учительский и ученический персонал Юрьевского университета». Если же немцы займут и Воронеж, то это большой опасностью университету грозить не может; он и при таком развитии событий останется русским.

Предложение П. К. Штернберга энергично поддержал М. Н. Покровский. Присутствовавшие на заседании комиссии представители Воронежского совета заявили, что опасения относительно оккупации немцами Воронежа неосновательны. По их мнению такая оккупация могла быть только временной. При этом представители подчеркнули «важность культурного влияния единственного нашего советского университета». Постановление Большой комиссии гласило: «Считать необходимым учреждение университета в Воронеже, для чего использовать имущество и свободный персонал эвакуированных университетов. С этой целью войти с представлением в Совет Народных Комиссаров о переезде юрьевских профессоров со студентами и архивом университета в Воронеж. Ассигновать на перестройку зданий под университет 500 000 руб.»⁴²

Решение Большой государственной комиссии носило рекомендательный характер. Принципиальное решение могло принять только правительство. Руководители Наркомата просвещения строго соблюдали необходимые процедуры. Именно поэтому отдел высших учебных заведений 7 июня уполномочил «представителя Комиссариата народного просвещения Северной области т. Гириного войти в Совет Народных Комиссаров с представлением об утверждении вышеизложенного постановления Государственной комиссии по просвещению и с ходатайством об отпуске в сверхсметном порядке, впредь до утверждения сметы, кредита в 500 000 руб. на переустройство и приспособление зданий под университет в г. Воронеже»⁴³. Подписали это отношение заместитель наркома просвещения М. Н. Покровский и зав. отделением И. Коршаков.

На следующий день, т. е. 8 июня 1918 г. предложения Большой комиссии Народного комиссариата просвещения были рассмотрены сначала на заседании Малого Совнаркома (своеобразного президиума Советского правительства), а 11 июня их окончательно утвердил высший орган исполнительной власти — Совет Народных комиссаров. Постановление предусматривало создание в Воронеже государственного университета и предписывало Комисса-

⁴¹ ОР РГБ, ф. 618, карт 4, № 4, л. 112–113.

⁴² ГАРФ, ф. 2306, оп. 2, д. 80, 146–146об.

⁴³ ГАРФ, ф. 130, оп. 2, д. 942, л. 13.

риату народного просвещения «обратиться в Комиссариат по иностранным делам с предложением исходатайствовать у германского правительства разрешения на выезд из Юрьева тем профессорам, которые персонально соответствуют требованиям, предъявляемым представителям науки в новых социальных условиях»⁴⁴. Протоколы Совнаркома были подписаны его председателем В. И. Лениным. Собственно именно эти постановления Советского правительства являлись официальным объявлением о рождении нового российского университета.

Между прочим, факт устройства нового университета при одновременном упразднении старого только подчеркивался тем обстоятельством, что ректором упраздняемого Юрьевского университета по-прежнему числился профессор В. Г. Алексеев. К лету 1918 г. руководимое им правление тоже перебралось в Воронеж, но занималось оно только ликвидационными делами. В августе 1918 г. дополнительные разъяснения на этот счет дал правительственный комиссар П. К. Штернберг, уточнивший во время своего визита в Воронеж, что речь следует вести о Воронежском университете как о самостоятельном учебном заведении. Правление Юрьевского университета все-таки провело в Воронеже несколько заседаний, в основном посвященных вопросам передачи делопроизводства.

Настоящим подвигом стало спасение разбросанного по разным городам имущества Юрьевского университета. Ценой огромных усилий и невероятного напряжения сил сотрудникам университета удалось вывезти из Перми несколько десятков вагонов с бесценным имуществом, включая 2312 мест библиотеки (около 500 000 томов) и 65 мест музея изящных искусств и восточных древностей, известного под названием коллекции Моргенштерна. Два вагона сумели найти и отправить в Воронеж из Ярославля. Всего пришлось руками сотрудников перегрузить 26 734 пуда разных грузов. Следует сразу же подчеркнуть, что все перемещенное имущество было получено Воронежским университетом на вполне законных основаниях. Оно не вывозилось из Эстонии украдкой или без официальных разрешений. На момент вывоза это оборудование являлось законной собственностью Юрьевского университета, который, в свою очередь, находился на материальном обеспечении министерства народного просвещения России.

Осенью 1918 г. началось формирование системы управления новым университетом. Был создан совет профессоров, избравший 30 сентября первым ректором Воронежского университета профессора В. Э. Регеля, а проректором — профессора К. К. Сент-Илера. Директором университетской библиотеки был назначен профессор-химик А. Д. Богоявленский. Тогда же начался и прием прошений о зачислении в число студентов. Уже к ноябрю их число достигло 6360. А 12 ноября первую лекцию в новом российском университете прочитал профессор-патологоанатом В. А. Афанасьев⁴⁵. Так началась история Воронежского университета.

⁴⁴ Рожденный революцией. Документы. Воспоминания. Воронеж, 1988. С.8–9.

⁴⁵ ОР РГБ, ф. 618, карт 4, № 4, л. 173.